

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ НА РОГОВОМ ПРЕДМЕТЕ С ГОРОДИЩА КАЛАЛЫ-ГЫР 2

© 2013 г. Дж.Я. Ильясов

Институт искусствознания АН Республики Узбекистан, Ташкент (jangaril@hotmail.com)

Ключевые слова: Хорезм, Калалы-гыр 2, олений рог, резьба, кочевники, вооружение, костюм, конское убранство.

The recently published horn artifact from Kalaly-Gyr site in left-bank Khoresm is decorated with engraved images, which are of great historical and cultural interest. To our knowledge, the existing studies on the artifact offer interpretations of the themes, whereas the actual realities depicted, and their analogies, have not been analyzed in detail. The article attempts to fill this gap using other well-known carved bone items from Central Asia, namely, Orlat and Takhti-Sangin belt plaques.

Опубликованный недавно роговой предмет, найденный на городище Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме, украшен гравированными изображениями, представляющими большой культурно-исторический интерес. Он найден в помещении 11 на раскопе 7в и условно назван навершием (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 72, 184, 186, 187, 228. Рис. 5, 24). В известных нам публикациях дана интерпретация сюжетов, что касается изображения реалий и аналогий им, то они подробно не рассматривались. Цель настоящей статьи – по возможности восполнить этот пробел с привлечением других широко известных среднеазиатских произведений резной кости – орлатских и тахтисангинских поясных пластин (Пугаченкова, 1987; 1989; Ilyasov, Rusanov, 1998; Никоноров, Худяков, 1999; Маслов, 1999; Litvinsky, 2001; Литвинский, 2002).

Предмет вырезан из разветвления рога благородного оленя (скорее всего, местной разновидности, известной как бухарский олень или хангул, *Cervus elaphus bactrianus* *Lyd.*). Его поверхность отшлифована и покрыта резьбой, внутри рог вычищен. Размеры изделия: высота – 6,4 см, максимальная ширина сохранившейся части – 6. Нижняя часть овальная, размеры – 5,3 × 3 см. Одно из двух верхних ответвлений, сохранившееся целиком, – круглое, размерами 3 × 3,3 см. Толщина стенки рога в верхней части – 4 мм, в нижней – 3. На плоских сторонах просверлены отверстия диаметром 7–8 мм: на одной стороне оно расположено в верхней части по центру, на другой – ближе к боковой поверхности. Отверстия служили для фиксации

деревянных (?) частей, которые вставлялись в эту роговую “муфту”.

В первой публикации высказано предположение, что данный предмет, возможно, использовали как часть музыкального инструмента – трещотки (систра) (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 184). С.Я. Берзина называет его “ритуальным предметом (навершием жезла?)” (2006. С. 91). А. Шефер в краткой публикации, посвященной функциональному назначению “Т и Y-образных” предметов из рога, высказал мнение, что подобные изделия могли служить соединительной частью небольшой рогатины, которую использовали для упора руки во время транспортировки охотничьих беркутов (так называемый балдак). Он пишет: «В зависимости от выбранного участка рога предмет приобретал “Т или Y-образную” форму. Нередко на поверхности рога изображали различных животных, сцены охоты и др.» (Шефер, 2010. С. 14–16). Возможно, именно так использовали и калалыгырское изделие; хотя следует отметить, что нет данных о том, существовала ли в данный период и в данном регионе охота с ловчими птицами. В общем, о его назначении еще нужно подумать.

На калалыгырском роговом предмете изображены всадник, стреляющий из лука в противостоящего ему хищника кошачьей породы, и персонаж, сидящий скрестив ноги (рис. 1). Внизу композиция ограничена узкой полосой, состоящей из двух линий и косой штриховки между ними. Таким способом показана земля. В верхней раздвоенной части изделия имелись орнаментальные бордюры в виде

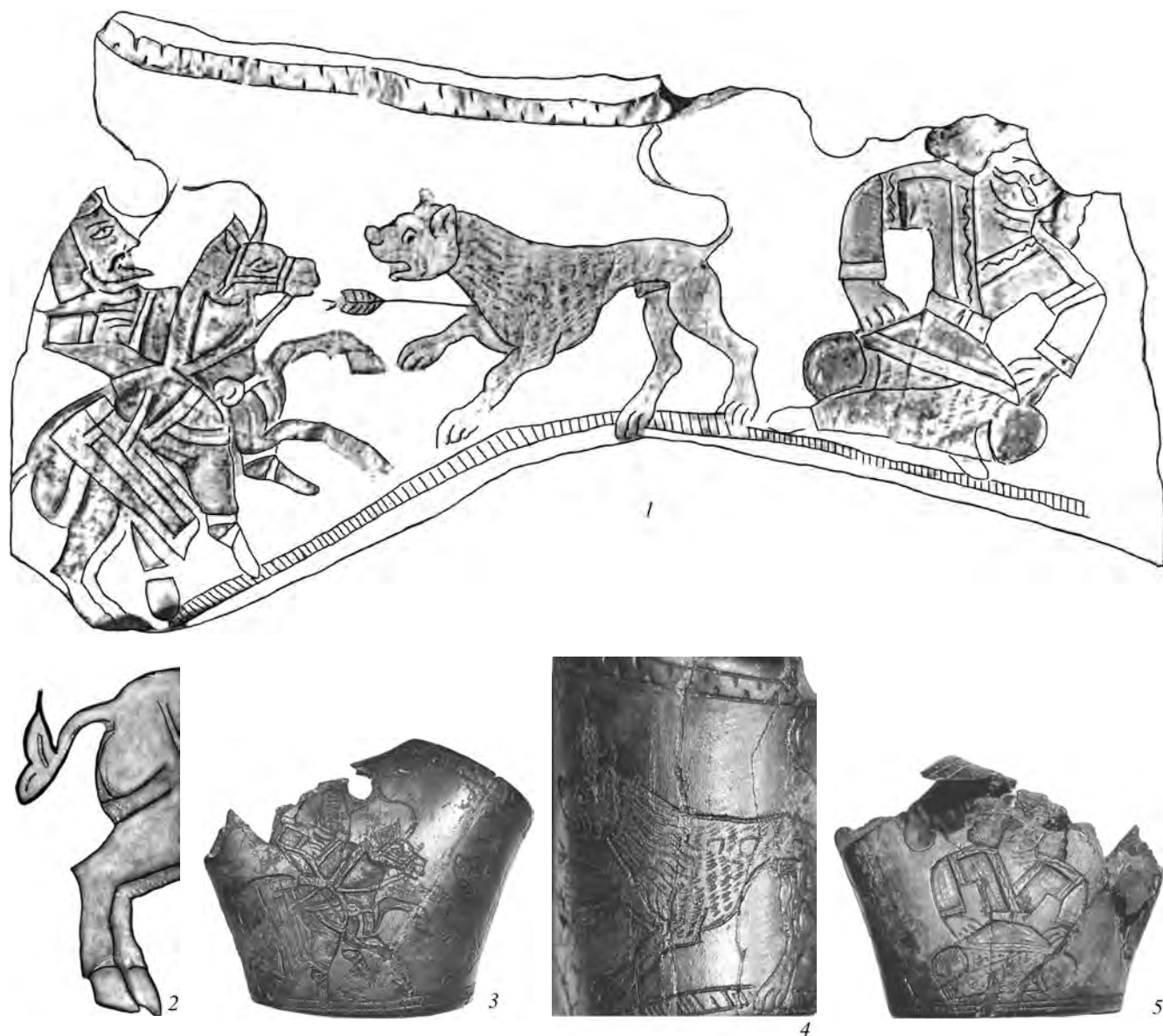

Рис. 1. Прорисовка (1) изображений на роговом предмете из Калалы-гыр 2 и фото деталей: 2 – конский хвост; 3 – всадник; 4 – тигр; 5 – сидящий персонаж.

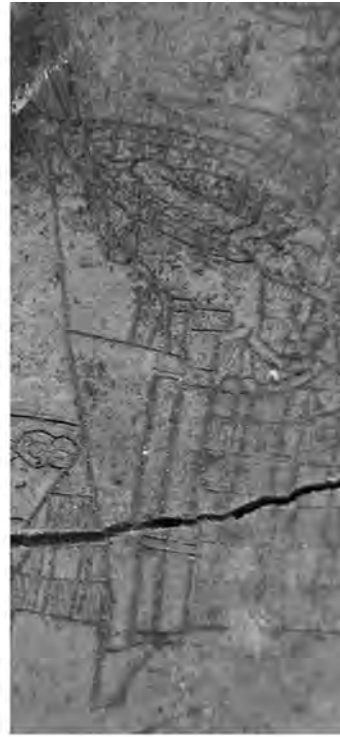
зигзагообразной полосы, от которых сохранился лишь один.

Непропорционально большая голова лучника показана в профиль, торс развернут к зрителю, видны обе ноги с опущенными вниз носками, что характерно для верховой езды без использования стремян. Он, бросив поводья, натягивает сложносоставной лук с прямыми рогами и гибкими плечами. Показана часть тетивы, в изображении которой мастер несколько ошибся с направлением. У лучника нос с небольшой горбинкой, тонкие губы, длинные волосы до плеч, прямая челка

или головной убор (к сожалению, верхняя часть гравировки не сохранилась), густые усы и борода клинышком, торчащая вперед. Глаз крупный, миндалевидный, бровь слегка изогнута. Над бровью, под глазом и на щеке видны ряды из небольших насечек, передающие, вероятно, “боевую” раскраску или, скорее, татуировку. Всадник облачен в короткий кафтан с треугольным вырезом на груди, надетый поверх рубахи с округлым воротом, запахнутый справа налево и перехваченный поясом. Не исключено, что показаны две прямоугольные поясные пластины. Полы (борта) и подол кафтана

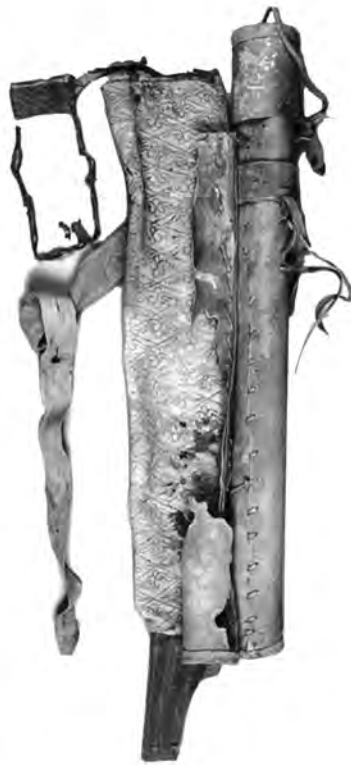
1

2

3

4

Рис. 2. Гориты. 1 – Калалы-гыр 2; 2 – Орлатский могильник; 3 – Тахт-и Сангин; 4 – Ния, Восточный Туркестан.

оторочены полосой, разделенной надвое вышитой (?) орнаментальной полосой. Левее волос всадника видна полоса, нашитая на плечо; такой же полосой обшит манжет правого рукава. Очень четко показаны ноговицы, надетые поверх штанов, имеющих декор в виде горизонтальных скобок, и перевязанные ремешком на щиколотках и через ступню. Верхний внешний край ноговиц, обшитый полосой кожи или ткани, приходится примерно на колено, задняя часть (предположительно, снабженная завязками для крепления к поясу), уходит под подол кафтана.

На правом боку всадника, на специальном ремне подвешен горит, состоящий из двух узких цилиндрических отделений для стрел разной длины, нашитых на широкое отделение для ношения лука (рис. 2, 1). Отделения для стрел закрывались цилиндрическими крышками, которые также показаны. По описанию Б.И. Вайнберг, это “колчан, украшенный вертикальными прочерченными полосами” (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 187), что не совсем верно.

Лучник и лошадь под ним изображены непропорционально, всадник настолько большой, что правой ногой касается земли. Лошадь показана с поднятыми передними ногами; грива подстрижена, на голове пряди более длинные. Хвост в верхней части узкий и гладкий, а внизу подвязан таким образом, что конец его раздвоен – одна прядь торчит вверх (рис. 1, 2). Не исключено, что на верхнюю часть хвоста надет чехол, хотя его нижний край четко не показан. Эта деталь конского убранства была характерна для целого ряда кочевых народов и рассмотрена в специальной работе (Шуафов, 2003. Р. 260–269). На изображении лошади видны ремни оголовья; форма псаляя читается плохо; поводья брошены на шею. Ниже шеи – фалар округлой формы, от которого отходят ремни сбруи; от седла, которого не видно, отходит широкий подхвостный ремень. Между нижней частью горита и задними ногами лошади, показанными параллельными линиями, изображен предмет, который, как, впрочем, и многие другие детали изображений, даже не упомянут в предыдущих публикациях. Это – нечто, свисающее на широком, сужающемся кверху ремне и имеющее овальную, прямо срезанную сверху форму. По-видимому, это не что иное, как кисть, сделанная, скажем, из конского волоса и подвешенная с левой стороны коня. О назначении кистей как части конского убранства существуют различные мнения; кистям посвящена уже упомянутая статья (Шуафов, 2003. Р. 270–274). Привлекательным кажется мнение Б. Голдмана о том, что кисти использовали, чтобы отгонять мух, оводов и пр. (Goldman, 1999. Р. 28).

Всаднику противостоит хищник, который в первой публикации назван львом, лишенным, правда, самого главного львиного признака – гривы (“Гривы у льва нет, но это явно не львица”) (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 187). По С.Я. Берзиной, здесь представлено “изображение эпического момента – схватки героя/царя со львом” (2006. С. 91). Кроме гривы нет у хищника еще одной особенности, характерной для льва, а именно – кисточки на конце хвоста. Тем не менее, судя по показанным на изображении половым признакам, это явно самец. Представляется, что короткие насечки, собранные в вертикальные ряды, передают полосы на шкуре (рис. 1, 4) и всаднику противостоит, таким образом, не лев, а тигр.

Именно тигр был самым крупным и опасным хищником Средней Азии, водившимся в пойменных лесах (тугаях) по Амударье еще в середине XX в., в то время как лев – животное, не очень характерное в исторические времена для Среднеазиатского региона. Впрочем, замена гипотетического льва на реального тигра не меняет предполагаемого предыдущими авторами символического значения сюжета как воплощения победы правителя/героя над опасным и сильным противником. Хотя, с другой стороны, возможно, что представлена не символическая или аллегорическая сцена, а изображение реальной охоты или иллюстрация эпоса. Итак, всадник натягивает лук, целясь в тигра, в грудь которого одна стрела уже вонзилась. Отметим, что на туловище тигра помимо коротких штрихов, передающих полосы на его шкуре, имеются несколько знаков, которые никак не спутаешь со штрихами. Это явно знаки, которые совершенно отчетливо видны: справа – П-образный знак, а слева – знак, напоминающий цифру 7 (рис. 1, 4). На левом бедре тигра имеется еще один знак в виде полуовала. Трудно сказать, можно ли считать эти знаки, скажем, буквами хорезмийского письма; судить об этом следует специалистам в этой области.

Тигр изображен, в основном, на боковой стороне роговой поделки, а на плоской поверхности с противоположной от всадника стороны зритель видит мужчину, сидящего скрестив ноги и оперев руки в бедра (рис. 1, 5). Корпус его несколько наклонен в левую сторону, непропорционально большую голову он также склонил влево. К сожалению, верхняя часть лица не сохранилась. У него пышные, несколько асимметричные усы, волнистые и длинные (до плеч) волосы, узкий нос. Губы под усами не видны; на левой щеке и бритом подбородке – по одной треугольной насечке, передающей, видимо, раскраску или татуировку. Раскраска, татуировка или искусственные шрамы на лице, представленные на изображении всадника и сидящего персо-

нажа, в таком виде, кажется, впервые встречаются в среднеазиатской иконографии¹. На правой щеке мужчины имеется идущая от носа неровная линия, которая не является трещиной или царапиной, а явно вырезана специально. Поскольку татуировка у всадника передана рядами насечек, объяснить эту линию можно только как изображение шрама.

Кисти рук, на которых видны по четыре пальца, упираются в бедра; ноги скрещены таким образом, что левая нога наложена на правую.

Детали кафтана, не показанные у калалыгырско-го лучника, хорошо видны у его сидящего соплеменника. Кафтан запахнут справа налево, имеет треугольный вырез на груди и охвачен в талии широким поясом. Ниже пояса запах не показан. Кафтан имеет либо короткие, достигающие до локтя рукава, из которых выпущены рукава рубахи с манжетами, либо рукава кафтана имеют нашивную (или вшитую) поперечную полосу выше локтей. Подол, рукава и плечи кафтана выделены полосами, передающими оторочку. Оторочка имеет декор в виде зигзагообразной линии. Две параллельные линии на шее, видимо, обозначают ворот рубахи, но они не доведены до конца. Из-за этого можно также предположить, что это складки кожи на шее.

Ноговицы, напоминающие здесь сапоги, перехвачены ремешками на щиколотках. Поверхность ноговиц покрыта рядами насечек, видимо, передающими вышитый узор.

Обратимся к аналогиям. Всадники – воины и охотники – со сложносоставными луками в руках изображены на уже упомянутых орлатских и тахтисангинских пластинах. Гориты с двумя отделениями для стрел разной длины также изображены на этих пластинах. Сделанные из кожи прекрасной сохранности подлинные гориты данной конструкции найдены в 1995 г. китайско-японской экспедицией в погр. М3 и М8, датируемых I–II вв. н.э., при раскопках в древнем оазисе Ния в Восточном Туркестане² (Niya..., 1999a. P. 100–125, 130–139, 408. Col. il. 1; 1999b. Pl. 21; 23, 15; 27; 30, 44; 72, 2–4; 73,

1, 2; 82; 84, 2; The Institute..., 2000. P. 40. Fig. 5; 25; 28) (рис. 2, 4). Здесь же в погр. М1, М3, М4, М8 найдены замечательной сохранности сложносоставные луки асимметричной формы, абсолютно аналогичные лукам орлатских и тахтисангинских изображений. В указанных выше предварительных публикациях погребениям дана очень широкая датировка – от ранней Хань до Цзинь, т.е. в пределах конца III в. до н.э. – начала V в. н.э. Однако при анализе китайских шелков из погр. М3 указывается, что они относятся к периоду между 70 и 170 гг. н.э. (Niya..., 1999a. P. 125). Это дает основания датировать реальные изделия, аналогичные изображениям среднеазиатских луков и горитов, рассматриваемым здесь, I–II вв. н.э. Наиболее точно составным горитам из Ния соответствуют изображения на орлатских пластинах. Орлатские гориты в деталях повторяют их форму и конструкцию, вплоть до фигурной детали в нижней части, которая, как показывают гориты из Ния, делалась из лакированной кожи (рис. 2, 2, 4). У калалыгырско-го и тахтисангинских горитов такая деталь не показана, и в целом, они представлены более упрощенно (рис. 2, 1, 3).

Кафтан с короткими рукавами (или с рукавами со вставной поперечной декоративной полосой), рубаха с манжетами, подол, рукава и плечи кафтана, обшитые полосами, ноговицы в виде кожаных или войлочных чулок, надетые поверх штанов и перехваченные на щиколотках ремешками, – все эти детали костюма калалыгырских персонажей имеют самые близкие параллели в костюме охотников, выгравированных на орлатской пластине со сценой охоты. В многочисленных описаниях этой сцены никто (в том числе и автор) ноговиц до сих пор не упоминал, но внимательное ознакомление с ней позволяет предположить, что у двух верхних охотников показаны именно ноговицы.

Ноговицы как часть одежды относятся, главным образом, к кочевническому костюмному комплексу. Об этом свидетельствуют как находки оригинальных предметов в замороженных погребениях пазырыкской культуры (Руденко, 1953. С. 111. Рис. 59; Полосьмак, 2001. С. 125, 126. Рис. 90; 91), так и известные изображения. Например, ноговицы надеты на ноги всадника со знаменитого войлочного ковра из Пазырыкского кургана 5 (Руденко, 1953. С. 322. Табл. 95; 1968. С. 65. Ил. 50). Хотя С.И. Руденко пишет об очень узких в обтяжку штанах, не так уж типичных для мужской одежды древних горноалтайцев, это, скорее, ноговицы, как раз характерные для пазырыкцев. Ноговицы изображены среди даров, подносимых саками-тиграхауда на рельефах Ападаны в Персеполе (Koch, 2001.

¹ До сих пор были известны знаки в виде кругов и розеток, нанесенных на лоб и/или на щеки персонажей, воплощенных в скульптуре (Еркурган, Дильберджин), терракоте и художественном металле (Тилля-тепе) (Tanabe, 1986). С.А. Яценко пишет о татуировках, нанесенных на лица золотого всадника из Сибирской коллекции Петра Великого и “солнечного бога”, изображенного на золотом перстне из знаменитого кургана Иссык (2006. С. 79). Однако кажется, что это, скорее, царапины или насечки, образовавшиеся в процессе использования данных драгоценных изделий, а не специально сделанные мастером знаки на лицах.

² Расположен в уезде Миньфэн Хотанского округа Синцзянь-Уйгурского автономного района КНР (Niya Site, Minfeng District, Hetian Region, Xinjiang Uygur Autonomous Region).

S. 34, 35. Abb. 49). Ноговицы видны на персонажах со знаменитых золотых изделий из Сибирской коллекции Петра Великого, а именно: на датируемых IV–III вв. до н.э. парных пряжках, изображающих сцену, известную как “Отдых под деревом”, и на фигурке стреляющего из асимметричного лука всадника, которую, возможно, следует датировать более поздним временем (Schiltz, 1994. S. 234–239, 245. Abb. 177, 179–181). Пример изображения ноговиц, видимо, матерчатых – статуя парфянского вельможи из Шами (Colledge, 1977. Pl. 12; Яценко, 2006. С. 123. Рис. 67, 68). На некоторых каменных рельефах, украшающих саркофаги жителей сирийской Пальмиры, находившейся под сильным влиянием парфянской культуры, также можно увидеть ноговицы, надетые поверх расшитых штанов. Например, в склепе Йархая, построенном в 108 г. н.э., склепе Артабана, сооруженном во II в. н.э., и др. (Sculptures of Palmyra, 1986. P. 31, 32, 42. Pl. 230, 254, 255, 416).

Можно полагать, что сохранение и распространение кочевнических черт парфянского костюма и вооружения – короткого кафтана, ноговиц и кинжалов с четырьмя лопастями на ножнах – было данью традиции и, в случае с населением неиранской Пальмиры, показателем принадлежности к элите, в среде которой было модно подражать костюму могучей соседней империи. Отметим, что существование этого вида одежды у кочевников не только в соседних – ближних и дальних – регионах, но и в самой Средней Азии теперь четко фиксируется изобразительными материалами из Самаркандского Согда и Хорезма.

Можно сказать, что, не считая противоположного запаха кафтана, калалыгырский костюм полностью соответствует облачению орлатских охотников. Такая деталь, как короткие рукава кафтана (или с рукавами со вставной поперечной полосой), показана также у одного из тахтисангинских охотников, а именно у того, который посылает стрелы в оленя на фрагменте пластины. Не вдаваясь в подробный анализ кафтанов данного покрова и аналогий им, упомянем лишь шерстяные ткани с великолепной вышивкой, найденные в 2009 г. при раскопках кургана 31, датируемого I в. до н.э. – I в. н.э., в знаменитом могильнике Ноин-Ула в Северной Монголии (Полосьмак, 2010. С. 50–59). Хотя могильник принадлежит хунну (сюнну), считается, что вышивки аналогичного типа, найденные в том же могильнике в 1924–1925 гг. экспедицией П.К. Козлова, изготовлены в Бактрии (Trever, 1932. P. 29, 32, 58, 73. Pl. 1, 2, 6; Тревер, 1940. С. 144, 145. Табл. 42; Пугаченкова, 1966.

С. 190–192. Табл. 25)³. У одного из персонажей, названного царем или жрецом, виден кафтан с декоративными вставками на рукавах выше локтей (Полосьмак, 2010. С. 54, 55).

Помимо аналогий вооружению и костюму рассматриваемое изображение из Калалы-гыр 2 имеет еще целый ряд интересных параллелей. Торчащие вперед бородки имеются у орлатских персонажей; пышные усы и длинные волосы – у тахтисангинских охотников. У последних они, правда, зачесаны назад и собраны в пучок, а не распущены по плечам, как у калалыгырских. Пышные прически мужских персонажей, характерные для парфянского изобразительного искусства, также несколько напоминают прически на рассматриваемом изображении.

Много сходства в убранстве коня: подстриженная грива (Орлат, Тахт-и Сангин), чехлы на хвостах коней. Чехлы известны на индо-сакских, орлатских, тахтисангинских, ноинулинском, саксанохурском и других изображениях. Хвост, подвязанный ниже чехла таким образом, что конец его раздвоен, показан на фрагментированной тахтисангинской пластине. Одинарные кисти, свисающие с седла и очень похожие на кисть калалыгырского всадника, имеются у охотников на пластинах из Храма Окса (Тахт-и Сангин). Последние крупнее и имеют параллельные полосы, передающие волосы, но в целом аналогичны. Одинарные кисти, закрепленные на коротком ремне, “парят” за спиной орлатских конных охотников.

В плане некоторых параллелей сюжета снова упомянем одну из тахтисангинских пластин. На ней виден всадник-лучник, стреляющий в хищника кошачьей породы. Он, правда, скачет не навстречу зверю, как на калалыгырском изображении, а от него. С двумя стрелами, вонзившимися в грудь, самка леопарда продолжает бежать за всадником; он же, обернувшись на полном скаку, целится в двух детенышей леопарда, бегущих вместе с матерью. Таким

³ Н.В. Полосьмак, приводя в качестве аналогии изображения доспехов на индо-скифских (индо-сакских) монетах, предполагает, что ткани, произведенные в Сирии или Палестине, были вытканы, возможно, в Северо-Западной Индии (2010. С. 59). Однако, если учесть чрезвычайное сходство персонажей с прежних и новых ноинулинских тканей с обликом правителя “Герая” на его монетах, найденных, главным образом, в Бактрии, и “Герайчами” халчаянской скульптуры, бактрийская локализация если не самих тканей, то вышивок на них кажется более убедительной. В доспехе саков, документированном индо-сакскими монетами, халчаянской скульптурой и орлатскими пластинами, имеется существенная деталь, отсутствующая в доспехе ноинулинского спешенного всадника (Полосьмак, 2010. С. 52, 53), а именно высокий бронированный ворот. Кроме того, у халчаянских и орлатских бронированных воинов имеются клиновидные бородки, отсутствующие у “Герайчей” и у ноинулинских персонажей.

образом, здесь представлена не символическая охота на льва, а схватка с конкретным представителем местной фауны. На тахтисангинских пластинах, по мнению Б.А. Литвинского, – “отражение реальной охотничьей жизни бактрийских аристократов” (2002. С. 207).

Сидящий скрестив ноги персонаж – довольно редкий сюжет в изобразительном искусстве Средней Азии первых веков до и после н.э. (если, конечно, не учитывать произведения буддийского искусства кушанского периода из Бактрии, а также изображения Будды на монетах Канишки I). Собственно изображения людей именно в такой позе, т.е. сидящих скрестив ноги и уперев обе руки в бедра, нам не известны. Б.И. Вайнберг в связи с позой этого персонажа в осторожной форме предположила, что поза могла символизировать печаль или траур. Она ссылается при этом на казахский фольклор, в образцах которого скорбь по утраченному табунам или по умершим мужьям выражают определенным жестом, “подбоченившись на бедра” (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 187, 228). Трудно сказать, насколько правомочны подобные сравнения.

Что касается некоторых, пусть и неполных иконографических параллелей, то можно упомянуть несколько примеров. Территориально ближайший – статуарные керамические оссуарии из Бурлы-калы и окрестностей Кой-Крылган-калы, датированные II–III вв. н.э. (Рапорт, 1971. С. 70–73. Рис. 32). Более ранний пример дают изображения на монетах династий, имеющих кочевническое происхождение. Так, среди монет первого сакского царя, правившего приблизительно в 75–65 гг. до н.э. в Индии, Мауэса (Мав), есть типы (15.1 и 15.2 по Р. Сеньору), на котором царь представлен сидящим скрестив ноги. В руках, опущенных на уровень бедер, он держит длинный меч, лежащий у него на коленях (Senior, 2000a. P. 4; 2000b. P. 2). На монетах другого индо-сакского правителя – Азеса II (около 16–30 гг. н.э.) – царь сидит в той же позе, левой рукой сжимая меч, а в поднятой на уровень груди правой руке – плеть, один из символов власти (типы 106–108) (Senior, 2001a. P. 112–114; 2001b. P. 35, 36).

На монетах кушанских царей также можно видеть правителей, сидящих скрестив ноги (Р. Гёбль называет эту позу “Nomadensitz”, “кочевнической посадкой”). Так, на медных монетах Куджулы Кадфиза (около 40–90 гг. н.э.) этот царь представлен с левой рукой, опущенной на колено, и поднятой правой рукой (Senior, 2001a. P. 220). На некоторых типах золотых монет Вимы Кадфиза (около 113–127 гг. н.э.) он показан сидящим, при этом его левая рука покоится на бедре, а в правой руке он держит

свой любимый атрибут – суковатую дубину. На золотых и медных монетах Хувишки (около 150–190 гг. н.э.) “кочевническая посадка” представлена на большем количестве монетных типов; царь при этом опирается одной рукой на копьё или держит другие атрибуты (Göbl, 1984. S. 35, 36, 37. Taf. 157, XI; 158, XXII, XXIII, XXIIIa–c). В рассматриваемой позе показан кушанский царь, скорее всего, тот же Хувишка, на редчайшей находке – живописной картине, написанной на хлопчатой ткани (коллекция Мехмета Хасана, Бангкок) (Маршак, Грене, 2010. С. 154–163. Рис. 1; Баданова, 2010. Рис. 1).

Еще одну параллель дает изображение на золотой гривне, найденной в сарматском погребении I – начала II в. н.э. из кургана 10 Кобьяковского могильника, расположенного на восточной окраине г. Ростов-на-Дону. В центре гривны – бородатый персонаж, на коленях которого лежит меч в ножнах, двумя руками держит на уровне живота сосуд (Гугуев, 1992. С. 121–124. Рис. 4, 6, 8–10; L’Or..., 2001. P. 224. № 240).

Приведенные аналогии весьма показательны как в плане этнокультурных, так и в плане хронологических сопоставлений. По мнению авторов публикации материалов с городища Калалы-гыр 2, рассматриваемый предмет, найденный в слое разрушения города, должен датироваться не позже II в. до н.э. С другой стороны, надписи с городища, изученные В.А. Лившицем, датированы им с III в. до н.э. по II в. н.э. (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 163, 188, 241). В любом случае оба варианта датировки относятся к периоду до Сасанидов, с которым связывают появление кистей на среднеазиатских изображениях К. Танабе (в осторожной форме) и Б.А. Литвинский (Tanabe, 1990. P. 55–58; Litvinskiy, 2001. P. 150–152; Литвинский, 2002. С. 195–198; 2010. С. 346–348).

Как известно, уже довольно давно ведется дискуссия по поводу датировки орлатских и тахтисангинских костяных пластин. Относительно первых разброс предлагаемых различными исследователями дат – от II–I вв. до н.э. и до IV–V вв. н.э. Тахтисангинские поясные пластины датировали рубежом эр (Шедевры..., 1983. С. 30), II–I вв. до н.э. (Литвинский, Пичикян, 1986. С. 114–117. Рис. 3), а также I в. до н.э. – I в. н.э. (Pičikian, 1996. Abb. 16), однако позже Б.А. Литвинский твердо склонился к III в. н.э. (Litvinskiy, 2001. P. 155; Литвинский, 2002. С. 201; 2004. С. 29; 2010. С. 351). Представляется, что калалыгырская находка – еще один аргумент против смещения даты этих замечательных изделий, а вкупе с ними и Орлатских пластин, к III в. н.э. и увязывания их иконографии с сасанидским влиянием.

Безусловное наличие близких параллелей в реалиях, изображенных на трех костяных изделиях из трех разных среднеазиатских регионов, а также аналогии с другими материалами позволяют датировать их временем не ранее I в. до н.э. и не позднее II в. н.э. Если же исходить из датировки калалыгырского рогового предмета, предлагаемой изучавшими памятник археологами (II в. до н.э.), то его можно считать самым ранним среднеазиатским образцом, на котором представлен данный комплекс костюма, вооружения и конского убранства, что требует, конечно, дополнительного обоснования. Можно также констатировать наличие близких деталей костюма, вооружения и конского убранства у разных этнических групп – кангюйцев (потомков саков, согласно Б.А. Литвинскому⁴: 1967. С. 36; 1968. С. 14) и юечжей, тесно контактировавших друг с другом на протяжении своей истории. Больше сходство между калалыгырскими и орлатскими персонажами вполне оправданно, если иметь в виду, что и Хорезм, и Согдиана были подчинены кочевой империи Кангюй (Канцзюй), представители которой и изображены, по-видимому, на этих замечательных произведениях косторезного искусства.

В заключение – несколько слов по поводу интерпретации изобразительного сюжета. Если признать, что у сидящего персонажа на правой щеке изображен шрам, это могло бы служить признаком определенной индивидуализации. В таком случае можно с большей долей уверенности предполагать, что на рассмотренном роговом предмете из Калалы-гыр 2 представлена не символическая сцена,

а легендарный или эпический сюжет о похождениях двух конкретных героев.

Выражаю благодарность С.Б. Болелову за возможность непосредственного ознакомления с находкой из Калалы-гыр 2, хранящейся в Государственном музее Востока (Москва), а также г-ну К. Кавасаки за помощь в переводе с японского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баданова Е.* Уникальный памятник живописи кушанского времени // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Самарканд, 2010.
- Берзина С.Я.* Ахеменидские геммы в Хорезме // РА. 2006. № 3.
- Гугуев В.К.* Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // ВДИ. 1992. № 4.
- Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. М., 2004.
- Лившиц В.А.* Предводитель чачского народа в согдийских надписях и монетных легендах // Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2008.
- Литвинский Б.А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. 1967. № 2.
- Литвинский Б.А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
- Литвинский Б.А.* Бактрийцы на охоте // Зап. Восточного отделения РАО. 2002. Т. 1 (26).
- Литвинский Б.А.* Бактрийские шкатулки // Древности Востока. М., 2004.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Тахти Сангин – Каменное городище (1979 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XIX (1979 г.). Душанбе, 1986.
- Маршак Б., Грене Ф.* Кушанская живопись на ткани // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Самарканд, 2010.
- Маслов В.Е.* О датировке изображений на поясных пластинках из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.
- Никонов В.П., Худяков Ю.С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.
- Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Полосьмак Н.В.* “Мы выпили Сому, мы стали бессмертными...” // Наука из первых рук. № 3. М., 2010.

⁴ Аргументом в пользу отождествления кангюйцев как “ответвления” саков может служить следующий факт: на раннечачских монетах, датированных разными исследователями III–V вв. н.э., прочитано имя Ванон (Ванун) – “Победоносный” (Лившиц, 2008. С. 309) (Ванван по: Ртвеладзе, 2002. С. 241; 2006. С. 13, 26, 27, 37; см. также: Lurje, 2010. Р. 411). Как известно, местом выпуска этих монет, судя по количеству находок, был крупнейший город Чачского (Ташкентского) оазиса первых веков до н.э. – первых веков н.э., известный ныне как городище Канка (средневековый Харашкет) (Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 22–59). Имя Вонон (Ванон) впервые встречается на индо-сакских монетах I в. до н.э., где этот сакский правитель (около 65–50 гг. до н.э.) упоминается вместе со своими соправителями: Спалахором, Спалагадамой и Спалирисом. В I в. н.э. правили два парфянских царя, также носившие это имя: Вонон I (8–12 гг.) и Вонон II (51 г.). Р. Сеньор предполагает, что появление правителей, носивших это имя, в Парфии можно объяснить тесным сако-парфянским взаимодействием, в результате которого могли возникнуть семейные связи между парфянским царским домом и сакским кланом Вонона (Senior, 2001с. Р. 39). Ташкентский оазис был одним из владений, подчинившихся Кангюю, если не одной из коренных его земель, что, по-видимому, отразилось и в “говорящем” названии городища – Канка (Қаңқа), сохранившемся вплоть до наших дней.

- Пугаченкова Г.А.* Халчаян. Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г.А.* Образ кангюйца в согдийском искусстве // Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
- Пугаченкова Г.А.* Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
- Рапопорт Ю.А.* Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии) // Тр. ХАЭЭ. Т. VI. М., 1971.
- Ртвеладзе Э.В.* Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 2002.
- Ртвеладзе Э.В.* История и нумизматика Чача. Ташкент, 2006.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко С.И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М., 1968.
- Тревер К.В.* Памятники Греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940.
- Шагалов В.Д., Кузнецов А.В.* Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент, 2006.
- Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана: Каталог выставки. М., 1983.
- Шефер А.* Функциональное назначение “Т- и Y-образных” предметов из рога // Государство Куняургенчских туркмен и Центральная Азия в первой половине XIII в. Ашгабат, 2010.
- Яценко С.А.* Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М., 2006.
- Colledge M.A.R.* Parthian Art. L., 1977.
- Göbl R.* System und Chronologie der Münzprägung des Kušānreiches. Wien, 1984.
- Goldman B.* Pictorial Graffiti of Dura-Europos // Parthica. 1. Pisa; Roma, 1999.
- Pyasov J.* Covered Tail and “Flying” Tassels // Iranica Antiqua. 2003. V. 38.
- Pyasov J. Ya., Rusanov D. V.* A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk Road Art and Archaeology. V. 5 (1997/1998). Kamakura, 1998.
- Koch H.* Persepolis. Mainz, 2001.
- Litvinsky B.A.* The Bactrian Ivory Plate with a Hunting Scene from the Temple of the Oxus // Silk Road Art and Archaeology. V. 7. Kamakura, 2001.
- L’Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe. Paris, 2001.
- Lurje P.B.* Personal Names in Sogdian Texts. Iranisches Personennamenbuch. Bd. II. Fasz. 8. Wien, 2010.
- Niya Site. Archaeological Studies. № 2. Research Report into an Ancient Town in Xinjiang, China. The Sino-Japanese Joint Research of the Niya Site. Kyoto, 1999a (Text) (на яп. и кит. яз.).
- Niya Site. Archaeological Studies. № 2. Research Report into an Ancient Town in Xinjiang, China. The Sino-Japanese Joint Research of the Niya Site. Kyoto, 1999b (Illustrations) (на яп. и кит. яз.).
- Pičikian I.* Neue Entdeckungen in Baktrien und die hellenistische Kultur // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Tübingen, 1996.
- Schiltz V.* Die Skythen und andere Steppenvölker. München, 1994.
- Senior R.C.* Indo-Scythian Coins and History. V. 2. The Illustrated Catalogue of Indo-Scythian and Indo-Parthian Coins. L., 2001a.
- Senior R.C.* Indo-Scythian Coins and History. V. 3. The “Easy Finder” Catalogue of Types, Monograms and Letters appearing on Indo-Scythian and Indo-Parthian Coins. L., 2001b.
- Senior R.C.* Indo-Scythian Coins and History. V. 1. An Analyses of the Coinage. L., 2001c.
- Sculptures of Palmyra / Ed. K. Tanabe. Tokyo, 1986.
- Tanabe K.* Iranian Origin of the Buddhist URNA // Bulletin of the Ancient Orient Museum. V. VIII. Tokyo, 1986.
- Tanabe K.* Positive Examples of Sasanian Influence on Gandharan Art // Makaranda: Essays in honor of Dr. James C. Harle. Delhi, 1990.
- The Institute of Archaeology of Xinjiang. Excavation of Tomb Coded M 8 of Cemetery 95MNI at the Niya Site in Xinjiang // Wen wu (Cultural Relics). № 1. Beijing, 2000.
- Trever C.* Excavations in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad, 1932.